

18+

Вячеслав Смирных

Деревенька моя

Вячеслав Смирных

Деревенька моя

«Издательские решения»

Смирных В.

Деревенька моя / В. Смирных — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594410-8

Никогда: ни после революции, ни в 30-е годы, тем более после войны, ни теперь, в начале 21-го века, не жила наша многострадальная деревня в достатке, спокойствии, благополучии. «Деревенька моя» — повествование в рассказах о людях черноземной деревеньки, их малоприметных повседневных делах. В книгу вошла также опубликованная ранее повесть «Старый двор», в которой рассказывается о деревенском подростке, оказавшемся в трудовой рабочей среде.

ISBN 978-5-00-594410-8

© Смирных В.
© Издательские решения

Содержание

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ	6
НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО	7
ОЖИДАНИЕ	7
ОГРЕХ	13
ТАЙНА	16
В ГОРОД ОБЫДЕНКОЙ	19
А ВЛАСТЬ СОВЕТСКАЯ БЫЛА...	24
КУПИТЬ БАЛАЛАЙКУ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Деревенька моя

Вячеслав Смирных

© Вячеслав Смирных, 2022

ISBN 978-5-0059-4410-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Повествование в рассказах.

Повесть.

Воронеж – 2017 г.

От автора.

Никогда, ни после революции, ни в 30-е годы, тем более после войны, ни теперь, в начале века, не жила наша многострадальная деревня в достатке, спокойствии, благополучии.

О людях чернозёмной деревеньки Устиновки, их малоприметных повседневных делах повествуется в первой части этой книги. Во второй – картинка из городской жизни, увиденная глазами деревенского подростка, оказавшегося в рабочей трудовой среде.

НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

*В эпоху сомнений и бедствий
До самого смертного дня
Нетленная память о детстве
Уже не покинет меня.*

А. Жигулин

ОЖИДАНИЕ

Летом не как зимою. И тепло, и занятие себе всегда можно найти. Например, на пруду весь день просидеть и не заметить время. Иль на колхозный двор забрести, в кузню заглянуть, на конюшню пробраться. Везде интересно. Только взрослые гонят нас ото всюду: «Нечего тут вам...»

Тогда в школьный сад. Расположен он на окраине нашей деревни, небольшом пригорке, меж двух лощинок. За садом они смыкаются и переходят в лог, перегороженный запрудой. Лощины поросли хворостом, бузиной, можжевельником. Тут Клава пасёт колхозных телят, вертлявых и бестолковых, постоянно зикающих от жары по кустам да канавам. И нам, ребятам, в саду раздолье. Играем в прятки, в «наших и немцев». Попутно отыскиваем разную зелень, чтоб съесть, молодые лопухи (от них весь рот чёрный), гусиную лапку, полевой чеснок, сочную, но довольно пресную сныть, ежевику. Да мало ли чего...

Заодно находим и птичьи гнёзда. У кого из моих сверстников гнёзд на примете больше, тому почёт, уважение и доля зависти к его находкам. «Свои» гнёзда мы показываем друг другу «по секрету», бережем их и навещаем по много раз, пока подросшие и окрепшие птенцы не покинут своё жилище. Одна пара зорянок оставила гнездо с детками в самый разгар жаркого лета. По нашей с Ленкой вине. Давай, говорит она, поставим гнездо в тень, чтоб птенцам было прохладнее. Мы пришли в очередной раз к нашему укромному месту и остановились, как вкопанные. Птенцы были мертвы, а их родители, жалобно попискивая, тревожно кружились над кустом бузины, не смея опуститься на злополучную ветку.

Прежний хозяин сада, рассказывала мама, задолго до войны скрылся куда-то. Не по своей воле. Кирпичный дом остался. Теперь в нём начальная школа. Потому и название сада – школьный. На самом деле он ничейный, так как без присмотра. Всяк может прийти сюда и первыми мы, мальчишки, обтрясти чуть завязавшиеся яблочки, оборвать едва побуревшие вишневые горошины. Взрослые, хотя и с оглядкой на колхозное начальство, тоже заворачивают сюда. Косят по обочинам да полянкам траву для домашней скотины. А зимой на топку рубят хворост, обламывают сухие сучья старых вётел. Сюда время от времени, когда стемнеет, приходит и мама по пути из колхозного хлева, где с подругой тёткой Наташей много лет ухаживает за колхозными коровами.

Ещё в прошлую зиму добыча топки лежала на Клаве. Но колхоз отпустил её в город на учёбу в ФЗО. Нынешняя зима без сестры мне кажется особенно студёной и бесконечной.

Холод чувствуется даже на печке, где я лежу, укрытый разным тряпьем. По утрам, едва мама закончит возиться возле загнетки, я вскакиваю с выюшкой в руке, быстро затыкаю дымоход, чтоб тепло из избы не вытянуло в трубу. Наши два небольших окна в одно стекло. Снежинки с оконных глазков падают на подоконник и не тают. Я долго наблюдаю за ними и начинаю считать: «Одна, вторая, третья». Сколько ж их упадёт за день, пока вернётся мама?

Сказать по правде, её и в деревне сегодня нет. Уехала она в лес за дровами. Дрова не себе. (Себе хорошо бы). Для районной больницы. Подошла очередь нашей Устиновке выполнять эту, как говорит председатель колхоза Сеня горбатенький, гужповинность. Он назначает извозчика.

Мужиков в деревне мало. Гришку Селиванова не пошлешь, у него желудок. Дед Никита стар. Кум Петька без ноги, на костылях. Тётка Наташа уже раз съездила. Потому Сеня, едва забрезжило, на санках-kozyрьках прикатил к нам. Засуетилась мама возле загнетки, лицо пятнами пошло. «Шутка ли, с а м заявился в такую рань. Неспроста это».

Мне с печки видно, как Сеня вышагивает по избе из угла в угол, пытаюсь согреться, то и дело шмыгает рукавом пиджака по мокрому носу.

– Вот что, Татьяна, – строго начал председатель. – Наряд на дрова прислали. Надо ехать тебе. На коровнике Наташа побудет одна.

И утупился на маму в ожидании возможного её отказа от поездки.

«Где там отказ? Разве можно возразить председателю?».

(Хотя, как сказать. Однажды Сеня, куражась, пожелал, чтобы лошадь в козырьки для него запряг Гришка. Послал к нему домой с наказом Аришу Михееву. Гришка такое ответил председателю, что Ариша постеснялась повторить его слова вслух. У Сени отпала охота запрягать лошадь чужими руками).

Мама же соглашается на поездку с готовностью, можно подумать, чуть не с радостью:

– Поеду, раз надо. Больницу без топки не оставишь, – заключает она, – будто убеждая Сеню, как важна эта поездка.

А Клаву я жду каждую субботу. В городе она учится на электрика. Живётся ей тоже нелегко. Питание – не растолстеешь, обувка, одёжка – казённая, бэушная. Каждый раз она обязательно привозит мне какой-нибудь гостинец, игрушку. Например, перегоревшую лампочку или деревянный подрозетник, ролик для электропровода. Таких вещей ни у кого нет из моих друзей. Ни у Саньки, ни у Витьки, тем более у Ленки. В иной приезд сестра книжку вручит: «Читай, Митя, учись».

Сама она занималась в школе всего четыре зимы. Пятый класс надо было постигать в соседнем селе, но разутым далеко ль дойдёшь? Лишь до мельницы, что машет крыльями посреди деревни. Там, на крыльчке ветряка, Клава немного отогрела иззябшие ноги и что есть мочи бежала по стылой земле домой.

После занятий в ФЗО Клава с подругами расчищает завалы разбитых в войну жилых домов, всяких зданий. Попадаются ей иногда под кучами кирпича, мусора книжки. Басни Крылова, сказки бабушки Куприянихи. Есть у меня «Аленький цветочек», «Серая шейка». Грустные такие. Я по ним весь алфавит выучил, читать умею. Бывает, и хлебушком городским угостит. У нас хлеб не каждый день. С Клавой можно и на горку сходить.

Чтоб точнее определить день приезда сестры или вроде как понудить её приехать, прибегаю к разным уловкам. Например,.. чихаю. Всем известно, что чих в разговоре подтверждает сказанное слово или задуманное желание. Я, прежде чем чихнуть, быстро загадываю: «Сегодня приедет Клава!» И с удовольствием чихаю. Успел – всё в порядке! Клавин приезд обеспечен.

Ещё верный способ узнать о приезде Клавы – кого-нибудь спросить: «В каком ухе звенит?»

У меня звон слышится часто. Загадывание-отгадывание моё любимое занятие. Будь мама дома, спросил бы у неё. Она с ответом почти никогда не ошибается. Сейчас мама в дороге. Я мысленно следую за ней. Вот пришла она на колхозный двор, к конюховке. Конюх дядя Коля выдал ей сбрую. Всё сразу ей не поднять. Вначале выставляет за порог хомут с седёлкой, потом возвращается, чтоб забрать остальное, дугу, вожжи, чересседельник.

– Ай, больше некому? – удивляется дядя Коля.

– Знать, некому, – отвечает мама.

Затем она идёт к конюшне. Тянет за цепочку щелястую скрипучую дверь, и стайка воробьёв вмиг взмывает под самый верх крыши. Тут тепло, пахнет навозом и конским потом. Зашевелились лошади. Фыркнул вислопузый старый Серко, Пегарь перевалился с ноги на ногу. Молодая любопытная Домашка потянулась мордой к маме, уставилась из-за ограды большими фиолетовыми глазами.

Мама идёт в дальний загон. Там в угловом стойле вороной мохноногий мерин, по кличке Вояка. Говорят, он был на фронте, потому получил такую кличку. В темноте ещё плохо видно, слышно лишь шумное его сопение да похрумкивание кормом. Вояку всегда берут под тяжёлую поклажу.

Напоследок мама бросает в сани охапку холодной ломкой соломы, плотнее запахивает полы фуфайки и заваливается в сани спиной к ветру.

– Оставайся тут, Митя, – наказывала мне мама при выходе из дома. – Еда в печке. Наружу не надо – мороз с ветром – замёрзнешь. За Муратом гляди, чтоб не дудолил на пол. К вечеру вернусь.

Ещё мама пообещала мне приготовить сладости – свекольные «конфетки». Ловко она их делает. Вареную сахарную свёклу режет на тонкие блинчики. Затем разделяет их на кубики, кружочки, квадратики и на сковородке для просушки задвигает вглубь уже прогретой печки. «Конфетки» получаются отличные, золотисто-жёлтые по цвету и сладко-тягучие на вкус. Жевать их можно долго – долго.

А бычок Мурат – моя забава. Это сынок колхозной коровы. Чтоб заработать больше трудодней, мама новорождённых телят по очереди отпаивает дома. Мурат крепенько стоит на прямых ножках, топчет по полу розовыми копытцами. Он в хорошем настроении. То и дело взбрыкивает, скользит по полу, едва не падает. При н у ж д е он замирает мгновенно на месте.

Округлая шелковистая спинка напрягается, начинает подрагивать, и струйка зажурчала на пол. Я вскакиваю с печки и подставляю старое ведро. Справив своё дело, Мурат всякий раз тычется в меня мокрым носом и пытается жевнуть мою штанину.

– Не дури, Мурат!

В наказание делаю ему на спине «козу», и он вмиг прекращает свою затею. За зиму у нас перебудет с десятков таких теляток. К лету вырастут, не узнать.

Отодвинув заслонку, лезу в печку за едой. В чугунке жидкий, бледный кулеш. «Пшенинка пшенинку догоняет». Чтоб не мёрзнуть на полу, беру чугунок с собой. Одновременно ко мне на печку с кровати влетает Дымок. Он тоже хочет есть. Обмакиваю в кулеш мякиш и даю котёнку.

Пока мы с Дымком обедаем, за окнами начинает заметно темнеть. Солнце быстро стало скатываться к земле, и на окнах заиграли розовые зайчики.

– Красный закат к холоду, – сказала бы мама, будь она рядом.

Она по многим приметам понимает. Царапает Дымок ножку стола или свёртывается клубком тоже к ненастью. Летом коровы жвачку пережёвывают стоя – к дождю.

Где сейчас мама? Я «проехал» с ней от конюшни за огороды, через свекольное поле до лесопосадок. Тут она должна свернуть на Тюленёвку, хуторок в несколько дворов. Дальше... Дальше мне самому быть не приходилось. Не знаю, где и как она едет. Лес я тоже видел лишь на картинке в книжке «Серая шейка» и не могу себе ясно представить, что это – лес? Деревья выше нашей избы? И частые, как подсолнухи на огороде? Как же по такому лесу ехать? Зацепишься за дерево, что тогда? Что ли пойти к тётке Наташе спросить?

Собираюсь быстро. Пиджачок у меня под рукой, точнее, под головой вместо подушки. С обувью заминка. Единственная – большого размера дырявые на сгибах резиновые сапоги. Из печурки вытаскиваю какие-то тряпки, обматываю ими ноги, сую в просторные головки* и быстро шагаю к тётке Наташе.

Изба её недалеко от нашей, но мороз успеваешь прожечь меня до костей. Особенно холод чувствую ногами. Обмотки с них сползли, сбились в носках и мне кажется, что бегу по снегу голыми подошвами.

Санька с Ленкой грелись на печке, тётка Наташа готовила на судной лавке пойло для скотины.

– Сам, как знаешь, а скотину накорми в первую очередь, – отвлекает она меня разговором от мыслей о маме. И успокаивает: «Посиди немного. Мать вот-вот подъедет. Уже время».

– Тётка Наташа, а лес он какой? – вставляю в её певучий разговор свой большой вопрос.

– Лес-то... В лесу хорошо. Птички летают, зайчики бегают. Это летом. Сейчас там, конечно, не так.

– А... волки в лесу есть? – со страхом задаю очередной вопрос.

– Волки-то... Нету их там, – уверенно отвечает тётка Наташа. – В лесу волкам есть нечего.

– А как по лесу на лошади ехать? Деревья ведь, – продолжаю пытаться соседку.

Ленка тихонько хихикает, слушая наш разговор, удивляется моей непонятливости, будто сама была в лесу и знает, как по нему передвигаться.

Оказывается, вдоль и поперёк, как вздумается, по лесу не ездят. Лишь по просекам да вырубкам. Приезжаешь на кордон, где уже заготовлены распиленные брёвна, чурки, обolonки. Лесник отпустит сколько положено по наряду. Грузи свой пай и поезжай домой.

Отлегло у меня. Сижу молча на сундуке ещё какое-то время. Где-то в углу пиликнул чулюкан*. * Санька с Ленкой задрались на печке из-за тёплого кирпича. Тётка Наташа вступилась:

– Ты большой уже, Саня. А она девочка...

Я же не перестаю думать о маме: «Может, она уже приехала. Меня ищет».

Соскакиваю с сундука. Надвигаю поглубже шапку на глаза и спешу к выходу. Ветер затих, но по-прежнему было морозно и крепко под ногами хрустел снег. Кругом ни души, ни звука. Но мне не боязно: «Иду к маме». Смело подхожу к тёмному дому, нащупываю рукой дверную цепочку. Она на месте, накинутая на петельку. Никто её не трогал. Назад возвращаюсь нехотя, с остановками. Оборачиваюсь несколько раз в надежде увидеть в сумерках подъезжающую на лошади маму.

Тётка Наташа зажгла лампу. Вообще-то не лампа у неё со стеклом (как, например, у деда Никиты), но и не, как у нас, коптилка, из пузырька сделанная. У неё из консервной банки.

– Нюшка Аришина наловчилась такие мастерить, – улыбается довольная тётка Наташа. – Вся докамысленная в отца своего, Петра Палыча.

В сплюсненную горловину банки Нюшка вправляет кусок шинельного сукна. Чуть ниже пробивается дырка для заправки гасом.*** Светло, как в городе, только лампа сильно коптит, да иногда в отверстии вспыхивает пламя. За лампой надо следить. Санька с Ленкой этим заняты. Они угомонились. Смотрят неотрывно на огонёк сонными глазами.

Ещё дважды выскакиваю в сени, всматриваюсь с порога в окна своего дома. Там по-прежнему непроглядная темь.

– Избу-то студить, – пыхтит Ленка.

– Лез бы ты, Митя, на печь, – вздыхает тётка Наташа. – Поспи с ребятами, а утром мать за тобой придёт.

Друзья мои на печке очень обрадовались такому предложению. Посунулись немного, уступили мне лучшее место – у грубки. (Переночевать друг у друга у нас почитается за счастье. После таких ночёвок мы, ребята, чувствуем себя как близкие родственники).

– Давайте загадки загадывать! – сразу предлагает Ленка. – Вот такая, например: «По горам, по долам ходит шуба да кафтан!».

– Это ерунда. Все знают твою загадку, осаживает её Санька. – Мою отгадайте: «Сидит дед во сто шуб одет...»

«Была бы у мамы шуба, – мелькает у меня в голове».

... -Кто его раздевает, тот слёзы проливает!» – бодро заканчивает Санька.

– Знаю, знаю! – тут же выкрикивает Ленка отгадку, чем вызывает у брата недовольство:

– Ты-то... Знаешь... Не одной козе хвост оторвала. Все бесхвостые бегают.

Над моей – голову поломали подольше: «Поле не меряно, овцы не считаны и пастух рогат»

– Слегка помог я Ленке. Очень ей хотелось отличиться.

Постепенно запас загадок иссякает. Голоса наши звучат всё реже, и мы затихаем на ещё тёплой печке.

Спал я на новом месте тяжело, беспокойно. Утром, едва засинели окна, просыпаюсь вмиг от мысли: «Вдруг мама заблудилась и совсем не приехала...». Чтоб не разбудить Ленку с Санькой, неслышно сползаю по приступкам на холодный пол, начинаю быстро одеваться. Тётка Наташа у заднего окна чистит к завтраку картошку.

– Не торопись Митя. Вернулась твоя мама. Приходила за тобой ночью, да не велела я тебя будить, – вполголоса, чтоб не проснулись ребятишки, сообщает мне тётка Наташа радостную весть. – Скажи матери, на коровник-то пусть не спешит. Сама я как-нибудь.

– Ладно, – обещаю я тётке Наташе и, не дослушав, выбегаю наружу.

Их нашей трубы вьётся дымок, значит, мама уже готовит еду. Убыстряю шаг. Вот я в своих сенцах. Нащупываю рукой скобу, чтоб потянуть дверь. За дверью слышится чей-то голос: «Муратик, Муратик».

«Кто это к нам так рано?»

Отворяю дверь и вижу... Клаву. Это она разговаривает с телёнком, гладит его округлую лопухую мордочку.

– Митя заявился, – улыбается Клава. – Бродяжка наш. По чужим дворам стал ночевать...

– Одному как усидеть, – то ли объясняет, то ли застывает мама.

– А вы что так долго? Ждал вас, ждал, – с упрёком выговариваю маме.

– Пока лесника нашла, пока погрузилась. Да в дороге, на повороте, сани в раскат пошли. Брёвна стронулись, пришлось перекладывать. А на месте послали на весовую. Только потом свалила в больнице поклажу, – словно оправдываясь, объясняет мама причину своего позднего возвращения.

(К маме мы обращаемся на «Вы»).

– Это кацап родного батька зовёт на «ты», а лошадь на «вы»! – шутила как-то мама).

Сейчас ей не до шуток. Иззябла, наломалась. Но отдыхать не время. Сварила еду. Принялась за свекольные «конфетки». Благо, свёкла сварена вчера. Осталось её порезать на малые дольки да фигурки и сунуть в печку для просушки.

Клава с ночного поезда (бывает он раз в сутки) пришла позже мамы. Тоже немногословна. Будто скована чем-то. Не пытается, как раньше, растормошить меня всякими расспросами да потешками. У меня и без того радостное настроение. Ношусь по избе да бросаю взгляды на Клавин «сидорок»: «Привезла ли гостинец?»

Клава будто не замечает моего нетерпения. Застелила тканёвым**** одеялом кровать. Притёрла лужицу под Муратом. Старательно подмела пол. Лишь после этого кликнула меня:

– Подойди, Митя, чего дам.

Клава расправила «сидорок» на коленях, ослабила на нём мотузок и вытащила на свет какую-то полукруглую пузатую сумку. Никогда я не видел такой. Просторная сумка была из плотного зелёного брезента с короткой удобной ручкой. Крышка тремя аккуратными кожаными ремешками плотно пристёгивалась к выпуклым алюминиевым пуговицам. И мама заинтересовалась сумкой, присела рядом: «Откуда такая?».

Клава с группой фэзэошниц работала на расчистке кирпичных завалов. Неподалеку от своего общежития, куда в короткий перерыв ходили перекусить, отдохнуть. Иногда

на этот же строительный объект пара конвоиров приводила несколько десятков пленных немцев, присмотр за которыми был не очень строгим. Были немцы худы, молчаливы и невеселы. Хотя молодые иногда пытались заговорить с русскими девочками.

В один из перерывов Клава направилась с подругами в общежитие. Шагнула через порог своей комнаты и замерла от удивления: длинный рыжий немец рылся в её тумбочке. Он вытащил из неё буханку ржаного хлеба и спешно запихивал её в свою сумку. О краже Клава заявила старшему конвоя. Рванул конвоир сумку из рук рыжего вора, замахнулся на него, чтоб ударить, и... опустил побелевший кулак:

– Ешь, сволочь. Не подавись.

И кинул к его ногам сбереженную Клавой, может, за неделю буханку чёрного, сиротского, хлеба. Сумка досталась мне*****.

...Короток зимний день. Но мы успеваем с Клавой снег у дверей почистить, сходить за водой и, главное, покататься с горки на леднике. Ледник – это вещь! Слепила его мама несколько дней назад из коровьего навоза. Похож он на плоский круглый таз, удобный для сидения, с бечёвкой в толстой стенке, чтоб катить за собой. С горки он несётся быстрее санок. Потому что донышко льдом покрыто. Мама специально поливала его много раз водой. Вот и схватилось морозом.

На такой каталке я впервые! Клава чуть толкает меня в спину и бежит следом, чтоб потом ледник вытащить наверх. Я мчусь с горки вниз всё быстрее и быстрее. Дух захватывает при каждом спуске, и сердчишко моё колотится гулко и радостно.

– Всё, Митя. Съезжаешь последний раз, – предупреждает Клава.

Ей пора отправляться в обратный путь.

– Ну, Клав, – начинаю канючить. – Ещё разок.

Съезжаю несколько раз. Не в силах я оставить эту затяжную до изнурения зимнюю забаву. Лишь вспомнив о свекольных «конфетках», с трудом пересиливаю себя.

Запах маминого рукоделия, сладко-горелый, почувствовался уже в сенцах. Мама выставила «конфетки» на подоконник остудить, сама же принялась собирать Клаву к поезду.

...Уж эти проводы, расставания. Сколько их выпало за жизнь, а в детстве – самые памятные, самые горькие. От жалости к себе (остаюсь один) я готов расплакаться. Едва сдерживая слёзы, гляжу на озабоченную маму, бессильную помочь Клаве не покидать дом, не выпроваживать её на холод. Горько и от Клавиной наигранности. Шутками-прибаутками она пытается приободрить нас, показать своё безразличие к предстоящей не ближней дороге, к возвращению в город в тёмном переполненном чужими людьми и шпаной душном вагоне.

В Клавин «сидорок» мама положила немного сырой картошки – наш главный продукт – («и сварить, и испечь, и пожарить»), опустила завёрнутые в тряпочку картофельные лепёшки («всё поестся»), сыпнула в карман несколько пригоршней жареных зёрен***** (занятие в дороге»).

Сколько же в её скупых словах, мягких движениях рук при укладке этих домашних гостинцев теплоты, участия, сострадания.

Я на печке сжимаюсь в комочек. Держусь на пределе сил. И желалось мне в эту минуту одного: услышать от мамы или увидеть от неё нечто такое, что заставило бы меня встрепенуться, отрешиться от этого жалко-слёзного состояния, почувствовать себя мужичком.

– Самое главное чуть не забыла, – спохватывается мама. – «Конфетки».

Они уже совсем остыли, затвердели так, что можно долго сосать, как настоящие. Мама стопкой укладывает их в старый клочок марли, стягивает концы. Вроде кирпичика получилось. Протянула Клаве:

– Возьми, детка. Подруг угостишь. И этого,.. как его,.. немца. Человек ведь... Голодает.

Оторопела Клава:

– Мама, вы бы хоть Мите дали...

– Ничего, Клава! Кричу я неожиданно громко и радостно. – Бери. Мы завтра себе ещё насушим.

Клава смотрит на маму, на меня, не зная, согласиться ли с нами или возразить.

Полегчало, вижу, и Клаве. Исчез её игриво-дурашливый тон. Она цепко взяла «сидорок», кинула его на плечо и твёрдо шагнула к двери. Мама выходит проводить её за огорода, я же, раздетый, выбегаю лишь на порог. Из-за угла завевает позёмка.

– Когда ещё приедешь, Клава? – шумлю в след сестре.

– Жди, Митя. Вот-вот потеплеет,.. – слышу в ответ.

Скорее б кончалась зима.

*Головки – зимняя обувь, валенки, сапоги.

** Чулюкан – сверчок.

*** Гас – керосин.

**** Тканьеовое одеяло – одеяло из лёгкой ткани.

***** Крепкая, вместительная сумка много лет служила мне для сбора колосков в поле, для рыбалки на пруду. В ней же носил книжки в школу.

***** Зёрна – жареные подсолнечные семечки.

ОГРЕХ

Сквозь сомкнутые веки чувствую, как ярко бьёт окно солнечный свет, как полнится теплом исхоладовавшая за ночь наша изба. Встать с печки не хочется. Я согреваюсь лишь под утро и вижу хороший сон. Будто бабушка принесла нам ковригу белого хлеба. Я отламываю его большими ломтями и ем, ем, никак не могу наестся. А коврига не убавляется, вспучивается, становится всё больше и больше. И тут голос мамы:

– Митя, сынок, чего скажу тебе. Сходи к тётке Арише, попроси жару. Она сегодня печь топила.

Ни спичек у нас, ни керосина нет. Огонь выбиваем кресалом – куском железки, величинной с ладонь. В загнете нашей печки лежит камень, серый, угластый. Каждый раз, когда надо разжечь печь или лежанку, мама с клоком ваты из старой фуфайки «добывает» огонь из этого камня. Ударяя кресалом, она ловит ватой быстро исчезающие иссиня-красные искры. Бьёт до устали, пока не потянет едва заметная извивистая струйка дыма.

И тут не зевай! Дуй, что есть силы, чтоб огонёк покрепче схватился за вату, чтоб успеть поднести к нему четвертушку бумаги и тут же сунуть его в топку с соломой или немного подсушенным хворостом.

К тётке Арише не хочется идти и по той причине, что вредная она. В колхозе не работает, как, например, мама постоянной дояркой. Круглый год при колхозных коровах. Зимой тётка, когда ни приди, всё больше лежит на печке, а потеплеет, как сейчас, будет углы подпирать у своей избы да замечать, кто куда пошёл, кто что понёс. Шукнула она председателю колхоза, что мама принесла домой (шла мимо) бутылку молока. Пришел он к нам, расшумелся:

– Колхозное добро, Татьяна, растаскиваешь. К белым ведмедям захотела? Это мы можем. Это мы сделаем.

Живёт тётка Ариша напротив нас, через овраг. Вниз спускаться легко, наверх взбираться труднее. Из сил выбиваюсь от недоедания да и скользко. Снег почти сошел, осталось лишь немного в самой низине, но склон оврага ещё не высох.

Тётка была дома. Старшая дочь Нюшка деревянным гребнем с крупными зубцами «искала» у неё в голове. Прерывать своё занятие тётка и не думает, с удовольствием сопит в колени Нюшке и затевает со мной разговор:

– Мать – то дома?

- Дома.
- Прибралась?
- Ага.
- Чего ели-то ныне?

Мы ещё ничего не ели, да и будет ли какая еда, не знаю. Мне неудобно об этом говорить, ещё подумает, что я голодный и станет меня жалеть.

- Затируху ели, – отвечаю тётке и чувствую, как со стыда загораются уши.

Мне бы сейчас выскочить из избы, да не могу возвращаться без огня. Что скажет мама?

А у тётки от моего ответа перехватило дыхание, слюну сглотнула.

- Вишь, люди живут. Затируху едят. А тут,.. – делится она с Нюшкой.

– Ладно уж...«едят». Дай вон человеку огню, – буркнула Нюшка, отстранив голову матери.

В туго скрученный соломенный жгут тётка Ариша вправила мне дымящийся кусок кизяка. Смущённый от своего вранья и радостный – несу огонь! – не чувствуя под собой ног, бегу домой, к маме. За мною в лог, как от сбитого самолёта, тянется, вьётся на ветерке тёмный хвост дыма.

А мама уже приготовила лежанку к розжигу. Лежанка наша даже не лежанка. Просто стоит на кирпичках перевёрнутый вверх дном (дна тоже нет) большой двухведёрный чугунок с дыркой в боку. В неё вставлена жестяная труба. Верхним концом труба упирается в дымоход. Пока мама возится с лежанкой, шмыгаю в подпол за картошкой. Полая вода подмочила её. Полмешка сухой, уже порезанной для посадки, стоит в углу. Брать её ни за что нельзя. Да я и не пытаюсь взять. Разве я не понимаю. Вылавливаю в ледяной воде мягкие, тронь пальцем, развалятся, гнилые картофелины. Осторожно снимаю с них прозрачную кожуру и из серо-жёлтого крахмального комочка начинаю делать лепёшки. Для мамы, для себя, для сестры школьницы.

Печь их на раскалённом чугуне запросто. Шипят тоненько. Вначале краешки румянятся, потом и середка затвердевает. Через минуту, другую лепёшки соскакивают вниз на кирпичи, в золу. Я подбираю их, отламываю крошками и кладу в рот. Пару крахмальных лепёшек даю маме. Она тоже жевать не торопится, продлевает удовольствие.

– Вот и пообедали мы с тобой, Митя, -удовлетворённо говорит мама. – Переживём. Это разве голод. Голод вон на Украине был в тридцать третьем. Деревнями вымирали.

«Вымереть деревней» мне представляется, что все дома в деревне повалились в одну сторону на бок и замерли в таком положении.

- А чего ж люди не уезжали, где не голод?

- Куда ж уедешь. Власти не пускали. Нельзя.

Что такое «власть» и «нельзя», мне понятно. В нашей деревне в л а с т ь – председатель колхоза. При появлении его дрожek мы, ребята, рассыпаемся кто куда. Он обязательно худое слово скажет или пригрозит нам. Нельзя было по его указанию брать солому на топку из колхозного скирда. Но, чтоб скирд не мешал трактористам пахать, его на днях сожгли.

– Перезимовали, Мить. Слава Богу. Вот-вот травка пойдёт. Будем из лебеды щи варить, -продолжает мама. – А ещё, говорят, колхоз помощь окажет. Вот бы хорошо.

И взаправду, весной жить становится веселее. Солнце пригревает всюю. В нашу скворечню уже припозадовали скворцы. Каждое утро, прежде чем сбегать за угол, я останавливаюсь под старой ветлой, слушаю, как сверху льются их свист и трели. Сам воздух стал другим, густым и вкусным. Одно плохо, никак не соберётся колхозное собрание. Там должны раздавать зерно.

Однажды мама пришла с работы какая-то притихшая, невесёлая. Спросить бы её, не заболела ли? Я спрашиваю о другом: «Не было ли собрания?»

Оказывается, собрание состоялось. Об очередной посевной говорили, о выработке трудодней и о помощи некоторым семьям.

– Нюраше помочь. У неё дети маленькие. Дуняхе Чесноковой. Работница хорошая, звеньевая. Арише Михеевой. Как-никак бедно живёт, – перечисляет мама.

– А... нам, мама?

– Отказал председатель. Говорит, Татьяна больше притворяется. У неё затируха не переводится.

От удивления и обиды замираю с раскрытым ртом. Никаких вопросов больше не задаю.

К вечеру пришла бабушка. Посидела, поохала. О весне поговорили, о том, что огороды скоро пахать. Разговор как-то не клеился, и она вскоре засобиралась домой. Перед тем, как выйти, развернула на столе чистую тряпочку и выложила две небольшие варёные свёколки. Они были липкие и с одного боку поджаренные. С молоком свёклу есть чего лучше.

– Спасибо, бабушка.

Утром мимо наших окон протарахтел «универсал» и протянул за огородом первую неровную борозду. Наш дом на отшибе, потому рядом, на выгоне, во время полевых работ с плугами да боронами всегда останавливаются механизаторы. На этом месте потом долго темнеют мазутные пятна, масляные тряпки.

Из окна наблюдаю, как парит чёрная, подсыхающая на солнце земля, да вслед за «универсалом» летят, колготятся грачи.

– Весна нынче ранняя, – радуется мама. – Успеть бы отсеяться вовремя и были бы с хлебушком.

Вскоре неподалеку от нашего дома остановилась пароконная подвода с двумя-тремя мешками зерна. На этой же паре лошадей звеньевая Дуняха привезла скрипучую, заржавевшую за зиму ручную сеялку. Две её напарницы немного подладили свою технику, развязали тугой мешок и заправили ящик зерном.

«Зерно... Пшеница... Председатель отказал нам... Хотя бы горстку в рот... И сосать, как леденцы», – мелькает вдруг у меня в голове шальная, подогреваемая постоянным чувством голода мысль.

Лишь только сеялка скрылась за поворотом, выскакиваю на улицу, к телеге. Непослушными руками дёргаю за бечёвку ближний ко мне, лежащий поперёк телеги чужал, и тяжёлая, холодная пшеница шурхает мне в лицо, растекается под колёсами. В ужасе от случившегося бегу назад к дому и мигом оказываюсь на чердаке.

«Только бы не пришли сюда сеяльщицы. Только б не ругали меня».

Ругали крепко. А звеньевая даже пригрозила заявить председателю и направилась было в мою сторону, но передумала, махнула рукой, опускаясь на колени перед горкой рассыпанного зерна. Пригоршнями, по зёрнышку женщины собрали пшеницу, стянули на мешке узел покрепче и откатали телегу подальше от нашего дома.

Постепенно всё поле до самого горизонта покрылось зелёным бархатом всходов. Лишь напротив угла нашего дома темнел длинный островерхий треугольник незасеянной земли. На поле был огрех.

Всё лето избегаю встреч с Дуняхой и, к удивлению мамы, я всё чаще нахожусь дома. И нередко к её приходу с работы у нас на столе появляется букет васильков, этих ярко-синих полевых цветов. Мы с сестрой собирали их на обочине дороги, в междурядьях посевов. Особенно их много было на злополучном огрехе. Бывать там мне не хотелось. Мне постоянно думалось, что на этот клин не хватило пшеницы, рассыпанную мною весной под телегой.

Мои мучения прекратились в один осенний пасмурный день, когда перед нашим домом с однолемешным плугом прошла пара колхозных волов. Началась пахота под зябь. С каждой бороздой огрех сужался и укорачивался на моих глазах. Вот уж скрылась, сровнялась его вер-

хушка под чёрными глыбами земли и, чувствую, отпустило меня, а я всё смотрю на чёрную ленту, тянущуюся из-под ног плугаря и, кажется, не будет ей конца.

ТАЙНА

И сейчас мне слышится заполошный крик бабки Хибы:

– Ото ж воны, бисовы диты, який же чорт, яйца усе повтягали! Я их до того бачила возле речки, поганцев. Приспнула трошки, а воны ж тудою, в курятник...

Колхозный курятник, где самым большим и единственным начальником была бабка Хиба, одиноко виднелся на взгорке за прудом, время от времени привлекал наше с Витькой внимание. Склон оврага да и вся прилегающая местность рябилась белыми точками колхозной птицы. Если остановиться на плотине и прислушаться, непременно услышишь несмолкаемое кудахтанье кур, крик горластых петухов.

– Сходим, разведаем? – предложил однажды Витька, глазами показывая на куриное жилище после того, как мы обогнули пруд, обстреляли всех лягушек, заставив уцелевших попрыгать в воду.

Покидали камешков, каждый стараясь при этом как можно чаще чиркнуть по водной глади пруда. Больше касаний – «частей» – ты победитель. У меня ловчее получалось, но Витька играл нечестно. То со счёта сбивал, то толкал под локоть. Витька хитрец. Может затеять какое-нибудь каверзное дело, втянуть в него нас, парнишек помладше, а то и поссорить одного с другим на потеху остальным, а самому при этом остаться в стороне.

Чего ж я с ним водился?

Жил он рядом с моей бабушкой, у которой я бывал постоянно. Витька года на два старше, потому иногда заступался за меня, если вдруг кто-либо из ребят пытался меня обидеть.

К курятнику мы шли, не таясь, громко разговаривали, заранее предупреждая хозяйку куриного двора о своём приближении, чтоб не подумала чего. Бабка Хиба калачиком лежала на зелёной мураве, сладко спала под тёплым солнышком, обдуваемая лёгким ветерком. Было тихо и спокойно, если б не красноглазый петух. Завидев нас, он вдруг вытянулся на одной ноге и издал такой рокошующий клёкот, что куры замерли на месте, а с ними и мы в ожидании окрика бабки Хибы. Но куриный страж не проснулся, и мы с Витькой, осмелев, полностью вошли в роль... разведчиков. Притихли у распахнутой двери.

– Задача понятна? – шёпотом спросил Витька. —Проникнуть в немецкий штаб. Сумеешь?

Я замешкался: «Так сразу и в штаб?».

Видя мою робость, Витька отдал новое распоряжение:

– Стой тут, я сам.

И нырнул в душный, пропитанный запахом птичьего помёта курятник. Не успел я посторониться за дверь, чтобы спрятаться в случае чего, как Витька выскочил назад, держа в обеих руках по паре яиц:

– Теперь ты давай.

«Повторить Витькин бросок к кошёлкам? А ну-ка бабка Хиба проснётся. Отказаться – стать трусом».

Выручил меня красноглазый петух. Хлёстко хлопнув крыльями, он вновь заорал что есть силы: « Вы вор-ры!» – почудилось мне. Со всех ног я бросился бежать прочь, за мной, еле поспевая, мчался Витька. Конечно, в его глазах я был никуда не годным разведчиком, последним трусом, с каким нельзя иметь серьёзных дел. И он ещё посмотрит, стоит ли со мной водиться.

Остановились на плотине. Мне стыдно было смотреть в глаза моего друга. Но Витька вроде и не заметил моих переживаний. За участие в разведке он протянул мне яйцо.

«Не взять – Витьку обидеть. Взять незаработанное – неудобно».

Яйцо я сунул под куст бузины, остальные по пути на колхозный двор Витька занёс к себе домой.

Мы покружились возле кузницы, поочередно попрыгали на ржавом пружинистом сиденье конного культиватора, затем подошли к воротам колхозного амбара, где кладовщик Митроха Сычёв грузил на дрожки мешки с зерном. О яйцах мы забыли совершенно. Тут и настигла нас бабка Хиба.

– Бисовы диты! – завопила сходу бабка. – Кроме них ниякого чорта не було возле. Повкрадалы усе яйца и вже поховалы! Дурья моя башка, було бы вас унутри захопнуть, чертякив этаких!

Она громко ругалась, а сама шарила по нашим карманам и подталкивала к кладовщику, видимо, на расправу, так как другого начальства поблизости не было.

– Мы их в амбар запрём, – пообещал кладовщик, – чтоб не лазили, куда не след. Ишь вы... И замахнулся вожжами.

От страха быть посаженными в тёмный амбар мы с Витькой метнулись в разные стороны и тем спаслись от заключения.

– Докладную напиши председателю! – громко, чтоб мы слышали, – кричал кладовщик глуховатой Хибе. – Пусть с матерей спросит.

Всё можно было вытерпеть, но если из-за тебя будет плохо маме... Нет наказания горше и больнее.

Потянулись тоскливые дни. К друзьям не хотелось, с Витькой встречаться тоже желания не было.

– Ты не заболел? Поинтересовалась мама, поспешая на работу, на колхозный ток.

– Нет. Так что-то.

Время шло. Наказывать нас, видимо, раздумали или забыли. Я немного отошёл, воспрянул духом. А вскоре возле нашего плетня увиделся с Витькой. Он шёл ко мне. Встретились, как незнакомые, как после долгой болезни, не решаясь напомнить друг другу о той вылазке в курятник, так испортившей нам в это лето жизнь, но и объединившей общим делом.

С того дня всё чаще меня стала согрывать мысль: «У меня есть тайна, у меня есть яйцо». Успокаивал себя тем, что не крал его, а получил от друга. А за яйцо можно у тётки Акулины стакан вишен купить или у деда Никиты полкартуза яблок-преснушек. Когда я проиграл в «пристенку» Витьке полтинник и не сразу мог расплатиться, я не очень огорчился: «У меня есть яйцо. Его можно продать и рассчитаться с долгом».

В разгар лета к нам в деревню привезли кино. Это был редкий для всех сельчан праздник. И стар, и млад в тот день, встречаясь друг с другом, разговор начинали не с приветствия, а с вопроса: «Пойдёшь в кино?»

«Конечно же, я пойду! Кинщик пропускает за рубль, можно и за стакан пшена. Нас, ребяташек, – за яйцо или десяток яблок. У меня есть яйцо!»

Весь день маюсь при мысли, как незаметно забрать его из-под куста. Перед вечером, когда до начала кино оставалось совсем ничего, я побежал к укромному месту. Долго ль взять яйцо? Раз – и в карман. И к правлению колхоза, откуда уже доносились радостные голоса моих сверстников.

Но вышла заминка. По плотине шло стадо коров, а пастух, сняв рубашку, обмывался по пояс рядом с кустом, где лежал мой «клад».

– Ай, что потерял? – спросил пастух.

– Нет. Так просто, – ответил я и для верности бросил пару камешек в воду, загадав: чёт – кино посмотрю, нечет...

И тут с ужасом услышал, как со стороны правления вначале мягко, приглушённо, затем всё чётче зататакал движок. Звук нарастал, выравнивался и тем обиднее становилось на душе: «Кино запустили. Без меня».

В один воскресный день, когда я с мамой носил в соседнее село в счёт налога бидончик масла, у всех моих друзей появились свистки. Провозил их по селу тряпичник в своём сундучке, наполненном всякой блестящей всячиной. За свисток – яйцо. Сделанный в виде раскрашенной птички свисток свободно помещался в руке. Удобно его хранить в кармане, и получают на нём самые заливистые трели. Витька дал мне свой попробовать, хотя и предупредил: «Не испортить».

– Вот повезу на базар яичек, куплю тебе свисток, – успокоила мама.

Обрадовался я, придумав: «Положу ей с в о ё яйцо. Мама продаст его и будет мне покупка».

Но дела не пустили её на базар до самой осени, до школы. Учились мы с Витькой в одном классе. Точнее, в разных классах, но занимались одновременно в одном помещении, потому что школа была малокомплектная. Анна Михайловна, опросив и дав задание старшим, сходу принималась за нас, первачков. Времени у неё всегда не хватало.

– Какие вы буквы знаете? – обратилась она к нам на одном из уроков, желая определить нашу подготовку.

Она поднимала вверх квадратные картонки с написанными на них буквами, вопросительно поглядывая на нас и одобряя тех, кто правильно назвал букву и придумал слово, начинающееся с этой

«Душа затворилась», – говорила мама в таких случаях.

– А почему Митя у нас молчит? – будто ко всем обратилась учительница.

Все уставились на меня.

– Например, эта буква, – подняла она последнюю картонку.

– Скажи – «яйцо»! – шепнул мне с соседнего ряда Витька.

Боком на меня смотрела пузатая, как наш кладовщик, неприятная буква «Я»

– Знаю, – отмахнулся я от непрошеного подсказчика.

Потупившись в парту, я молчал. Думалось, учительнице известна наша история с яйцами, и она нарочно предложила мне назвать эту букву.

– Не знаешь, Митя? – Придётся тебе после уроков позаниматься.

После звонка я остаюсь в классе. Витька поджидал меня за дверью, пока я без запинки не оттарабанил Анне Михайловне все буквы на картонках.

– Ничего не понимаю. – заключила учительница. – Иди.

Не понимал меня и Витька. Всю дорогу он допытывался, почему я не отвечал на уроке и был оставлен «без обеда». Я переводил разговор на другое. Незаметно через школьный сад, по логу мы пришли с ним на пруд. Было безлюдно, сухо и прохладно. И на воде ни морщинки. По такой камешки бросать одно удовольствие.

Витька, стрельнув глазами по плотине, тут же поднял глиняный блинец, выдавленный колесом телеги, примеряясь запустить его как можно дальше, чтоб удивить меня своей ловкостью.

– На скоко частей? – не забыл спросить меня Витька.

Ответа он не получил. Лишь удивился, увидев, как я, размахиваясь и с силой швыряю в пруд грязное, с потемневшей скорлупой куриное яйцо. Пока он искал, что бы такое запустить по воде, я достал из потайного места свой «клад». Яйцо оказалось болтыком. Потому, не отсчитав ни одной «части», оно сразу булькнуло под воду.

– Вот и всё, – выдохнул я облегченно. – Идём.

Витька не задавал мне вопросов, лишь бросал на меня немые взгляды: «Что это со мной происходит?».

Я зачем-то сворачиваю в проулок, где живёт бабка Хиба. Тут за лето я ни разу не был. Вглядываюсь в тёмные окна её избы с неясным желанием увидеть хозяйку, что ли заговорить с нею. О чём, не знаю сам. Просто поздороваться.

На окна низко свисают неровные космы соломенной кровли. Будто сама Хиба смотрит на меня из-под ладони, провожает долгим взглядом.

В ГОРОД ОБЫДЕНКОЙ

Скажи мне мама, зачем едем в город, ни за что не согласился бы на эту поездку.

Готовиться она начала заранее. Достала баночку коровьего масла, сбитого ещё по осени. В мешочек насыпала сушёных яблок, компот из них хороший получается. С полведёрка набрала картошки покрупнее. Помыла и рассыпала по полу, чтоб просохла. А ещё замесила с вечера тесто на соде. К утру оно подошло, и мама испекла пшеничных пышек. Одну дала мне. Пышка сладко хрустывала и обдавала рот печным жаром. Своё печенье мама завернула в чистый рушничок, чтоб не заклёкло в дороге. Мягкие румяные пышки особенно вкусны с молоком, потому мама не забыла налить в трёхлитровый бидончик утрешника, укутала его старым шерстяным платком и пододвинула мне:

– Донесёшь?

– Донесу. Давайте, мама, ещё что-нибудь, – с готовностью соглашаюсь я.

Гостинцы собраны, в сумки уложены, и я полдня маюсь без дела. Несчётное число раз смотрю на часы, скоро ли отправляться к поезду. Ходики наши с мишками на циферблате идут верно. Мама специально сегодня ещё раз проверила их по восходу солнца.

Из дому мы выходим пораньше. Так лучше. Кто его знает, поезд. Ну-ка, преждевременно придёт на станцию. А то и мы припозднимся. Ведь по нашим дорогам не разбежишься. Бугры да овраги, Бабкин лог, Буянов ручей. Летом устанешь опускаться да выбираться из них, зимой и подавно.

– А зачем едем-то? – спрашиваю маму.

– Да так. Лизу проведем. Может, тебе шапку посмотрим.

Не очень верится, что едем «просто так», но выпытывать не решаюсь. Конечно, пока каникулы, надо съездить к сестре. Давно не виделись с нею. После замужества она редко стала бывать у нас, лишь в отпуск да и то, когда он совпадёт с отпуском мужа. Посмотреть шапку тоже надо. Моя совсем праховой стала. Неуверенная в исполнении своих задумок, привыкшая к неудачам да огорчениям, мама не любит заранее выказывать свои планы вслух. Вот и о шапке говорит не «купим», а «посмотрим»

К станции, «двадцатке», мы подходим уже в сумерках. Никакой станции тут на самом деле нет. Горит лишь высоко на чёрном столбе жёлтая под жестяным абажуром лампочка, вырывая из темноты железобетонный дорожный знак с цифрой «20». Возле толпится десяток человек. Поёживаются на морозном ветру, выжидательно посматривают в сторону райцентра, откуда должен показаться поезд.

Вначале он засветился оранжевой точкой, замершей на одном месте. Потом она стала увеличиваться, растягиваться вширь, пока не разделилась на два огонька. Повеселели люди, разобрали в руки свои мешки да корзины, приготовились к посадке.

Паровоз остановился напротив нас, шумный, горячий. Дверь была открыта лишь в одном вагоне, туда и поспешили мы с мамой вслед за всеми. Кое-как взобрались на высокие ступеньки, пособляя один другому. В вагоне было тепло и сумрачно. Вскоре все расселись и успокоились.

– Слава тебе, Господи, – удовлетворённо говорит мама, когда поезд трогается.

– Это вторая моя поездка в город. Первый раз там побывал с сестрой вскоре после войны. Она приезжала в деревню одним днём набрать кое-каких продуктов. Тогда и надоумила мама сестру взять меня с собой.

– Пусть мальчишка посмотрит. Ведь, кроме деревни, ничего не видел.

Город был сильно порушен. Многие дома темнели квадратами пустых окон. На улицах, во дворах кучи битого кирпича, крошево из перекрытий, балок, железных прутьев. Возле трамвайного кольца, напротив экскаваторного завода, рядом стояли какие-то рогатые «чушки».

– Ежи, – пояснила сестра. – Чтоб немецкие танки не прошли.

Сестра держала меня за руку, боялась, потеряюсь. Я шёл вперёд, всё оглядывался на ежи и чуть не столкнулся высоким сутулым стариком. У него было морщинистое лицо и маленькие колючие глаза.

– Здравствуйте, папаша, – почему-то сказала ему сестра.

Это был её свёкор. Шёл на работу. Сестра стала рассказывать о своей поездке, о деревне и обо мне. Будто бы я пристал к ней дома, не отпущу, мол, тебя в город. Бери меня с собой.

(Не было такого!)

Старик посмотрел на меня как-то сбоку и в нос, неопределённо произнёс: «Няхай пожевь недельку». Я пожил две.

– А кем он работает? – спросил я у сестры, когда свёкор отошел от нас довольно далеко.

– Истопником в церкви.

... На этот раз с мамой в город мы приехали под утро. Прибывшие с поездом люди повалили к железным воротам и вынесли нас к трамвайной остановке, куда вскоре подошёл трамвай с непонятной надписью на «лбу» «СХИ».

– Наш, – сказала мама.

Он долго кружит по городу, пока кондуктор не объявляет остановку «Экскаваторный завод». Это место я узнал. Улицу тут выложили булыжником и нет ни одного ежа. Всё остальное без изменений. Вот место, где мы с Лизой встретили её свёкра. Отсюда хорошо виден на пригорке посёлок. Туда мы и направляемся с мамой. Посёлок, мало чем похож на город, правда, улицы прямые и длинные да водопроводные колонки возле домов. И то не у каждого. Из труб столбиками тянется дым, пахнет гарью. За ночь выпал снежок, потому потеплело, но неприятно слепит глаза.

Идём долго, пока не упираемся в нужную нам калитку. Сестра была дома, готовила мужу завтрак. Он формовщик на экскаваторном заводе, вот-вот должен прийти с третьей смены. Рада сестра нашему приезду. Оказалось, она гостей ждала. Сон такой видела:

– Вроде руку себе в кровь порезала. А это всегда кто-нибудь придёт или приедет.

(«У меня к гостям самолёт. А деньги, мелочь, к неприятности. И вода тоже. Увижу воду или деньги, обязательно что-нибудь плохое случится»).

Сестра спрашивает, как доехали, о деревенских новостях, о своих подругах. Заодно и о себе рассказывает, но как-то бегло и почему-то полупшепотом. Оказалось, вчера они с Фёдей решили от родителей отделиться. Конечно, ничего такого не делили. Ещё не нажили, чтоб делить. Просто придвинула она свою кушетку к фанерной двери, через которую ходили друг к другу. Очень это не понравилось свекрови со свёкром.

– Утром, как вам прийти, «завелась» свекровь. В дверь стучала, обзывалась. Ну и пусть. Я её не боюсь, – говорит сестра и, тряхнув головой, начинает расчёсывать волос, давая понять, что её совершенно не волнует возня стариков за стенкой.

А там на время притихли. Видимо, определяли, кто это пришёл в такую рань к снохе и следует ли продолжать выяснять с ней отношения, уличать во всём нехорошем. Вскоре брань на той стороне дома возобновляется. Особенно возмущается свекровь:

– Это всё о н а, отец, такая – разедакая! Не о н а бы, того бы не было. Жить ей одной захотелось. Ишь ты, барыня нашлась. Из грязи да в князи. Пойди, отец, сам поговори с н е ю. Пусть прищемит хвост...

Заволновалась сестра, заходила по комнате. Неудобно ей перед нами. На всякий случай посунула кушетку к двери плотнее, чтоб свекровь не вздумала сюда войти. А на самые обидные слова даже крикнула:

– От такой же слышу!

И мама заволновалась. А чтоб заглушить ругань сватов, делает вид, что занята разговором с Лизой. Задаёт ей один вопрос за другим: как с продуктами в городе, да есть ли в магазинах какая мануфактура, ситчик там или сатин, да что слышно про войну, хотя никакой войны уже не было. Мама вроде интересовалась международным положением.

О войне ничего не слышно, слава Богу. Мало того, сестра повторяет слова Маршала, сказавшего на днях по радио: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». И посмотрела на маму так, будто бы это Маршал сказал ей лично. Мама осталась довольна таким ответом большого человека. Шевельнулась на стуле, подвигаясь с краешка к центру. Тут она, видимо, уловила самый подходящий момент, чтобы сказать о цели нашего приезда. Этого ждала и сестра. Спросить напрямую она не решалась.

– Да вот хочу Митю в церковь сводить, окрестить, – почему-то громко произносит мама, посмотрев на меня.

– Может, давала понять, что дело уже решённое.

И никакого отказа быть не может. Будь я у себя

дома в деревне, возразил бы маме, а то и вовсе убежал бы на улицу, не дослушав. Тут же лишь сжимаюсь весь от такой неожиданности да опускаю голову, не смея что-либо сказать.

– Ровесники его все крещёные, – продолжает мама, а он вроде хуже всех. Есть ли т а м что, нет ли, не знаем, а окрестить надо. Может, хворать меньше станет.

– Смотрите, мама. Надо так надо. И не крещёные живут, и окрестите – не убудет, – уклончиво отвечает сестра.

Чувствую разговор ведут ради меня, убеждают, как необходимо пойти в церковь. В довершение сестра вспоминает, как прошлым летом окрестилась её соседка, немолодая женщина.

– Вишь, не ребёнок уже, взрослый человек, а посчитала, что надо окреститься. Сейчас и мы пойдём, – оживляется мама.

– Вы бы ещё побыли. В церковь успеете. Сейчас Федя должен прийти. Нехорошо как-то, были и не повидались, – уговаривает сестра.

Но чувствуется в её голосе неуверенность и тревога, а может, и неясное желание проводить гостей от стыда за своих свекров, затеявших не ко времени так не нужную склоку. Как бы невзначай она подходит к фанерной двери, поправляет над ней занавеску и прислушивается:

– Вроде угомонились.

– Ну и хорошо, – соглашается мама. – Может, со сватом поговорить? Ведь там работает. Подскажет, есть ли сегодня служба, нет ли, – робко советуется она с Лизой.

Бедная мама. Едва установившуюся за стеной тишину сочла за полное замирение и даже готова первой заговорить с зачинщиком перебранки.

– Не знаю, мама, вряд ли отец что скажет о службе. Сам он не верующий. А там как знать. Может, и... – не договаривает сестра.

В сенях что-то громыхнуло, послышался топот ног и шарканье рукой по тыльной стороне двери. Кто-то нащупывал дверную ручку. На пороге объявился свёкор. В телогрейке, пьян и с... топором в руке. Сват сходу заорал на маму:

– Ты, сваха, не надо! Не вноси смуту, Нет бы сказала дочке: «Не отделяйся, мол, от родителей». А ты тоже туда же! И это называется мать? Хороши, нечего сказать, что мать, что дочь. Вот я вас...

Заступиться бы за маму, отвлечь бы на себя деда, но я выскакиваю в сени, забиваюсь меж каких-то ящиков и мешков, жду, что будет. Конечно, я мысленно ругаю свата, я на стороне мамы и сестры, но я трус. Оставил их наедине с разбушевавшимся сватом. Слышу, как мама слабо оправдывается, что она «желает нашим детям добра, пусть живут на здоровье», и она не настраивает свою дочь против родителей. Пять ли минут прошло, полчаса ли, не знаю, Сорвав зло, высказав маме и снохе всё, что хотел, сват выбегает на улицу, прижимая локтем топор, Меня он не замечает.

– Вот так. Повидались со сватом, погостили раз в три года. Эх, бессовестные, злыдни кацапские. Да разве ж так можно? – сокрушается мама.– Да разве ж умные люди так поступают.– А ты что ж убежал? – укоряет она меня.

Провалиться бы мне сквозь землю от стыда, от трусости своей. «Прости, мама не подумал о вас. В другой раз так не поступлю. Выручу, помогу».

А сестра продолжает возмущаться и грозиться: -Я всё Феде скажу. Я всё ему выложу. Он поговорит с ними. Он им такое ответит. Федя – не мы с вами.

– Не надо. Что говорить с глупыми людьми, -возражает мама. – Собирайся, Митя, пойдём.

Сестра провожает нас до калитки. Она просит нас из церкви приехать к ним переночевать. Мама не отказывается, но и твёрдо не обещает: «Дело покажет. Видно будет».

Мне возвращаться не хочется. Боюсь свата, да и мыслями я уже в церкви, где я ещё не бывал ни разу. Да и никто из моих ровесников не был в церкви в таком возрасте, как я. Вот удивятся, если расскажу, Но об этом говорить нельзя. В школе узнают, плохо будет.

Молча доходим с мамой до трамвая. И только тут она, похоже, успокаивается. Пристально смотрит назад, словно хочет убедиться, не гонится ли за нами сват с топором.

Возле церкви уже находились люди, а по обеим сторонам ворот сидят старухи, просят милостыню. Проходим с мамой внутрь церкви и замираем у порога. Тут как в неясном сне. В разных местах мерцают свечки, плавают сизоватый от них воздух, замедленно передвигаются люди. Одни молятся, другие просто глядят на золоченые иконы. Какой-то седоголовый старик вслух читает толстую в замусоленной обложке книгу. Чем выше вверх, тем светлее. Поднимаю глаза к куполу, на меня строго смотрят бледнолицые бородатые старцы, словно хотят определить, что я за человек.

А тем временем мама узнаёт у монашки, продающей свечи, что сегодня батюшка крестит, и сколько надо заплатить за крещение. Та же монашка распоряжается всем нам собраться вокруг купели и ждать батюшку. Вскоре он подходит, старый, какой-то плоский и широкий в плечах. Мама становится сзади меня.

– Вы крёстная? – обращается к ней поп.

– Крёстная, крёстная, – поспешно отвечает мама.

Мне неудобно за неё и боязно. Вдруг поп раскроет эту неправду, станет стыдить маму за обман и откажется меня крестить. Я жду разоблачения и недоумеваю, чего это он медлит. «Он же видит всех насквозь».

Но поп уже переключился на других. Вот он взял у молодой женщины из рук ребёнка и сунул его в воду. Потом другого, третьего. Дети морщились и орали. Последним оказался я. Поп подзывает меня к себе, чуть запахивает полой ризы и начинает беседовать:

– Ты пионерчик?

– Да.

– В школе учишься?

– Учусь.

– Хорошие отметки?

– Хорошие.

«И я сказал неправду! Посредственно я учусь. Двоек нет, но не так чтобы...»

В жар меня бросает. Со страха я даже чуть отступаю от попа. Что будет дальше?

Поп суёт мне в рот ложку какой-то липкой сладости и отпускает.

– Слава тебе, Господи. Большое дело мы с тобой, Митя, сделали. Теперь пойдём шапку посмотреть да на поезд, – уже на улице говорит мне мама, чуть повеселев.

Шапку мы не купили. Ходить по магазинам особенно некогда, да и выбор невелик. Были в двух, да ничего подходящего, то дорого, то размер не тот. Но кое-какая поклажа у нас всё же собралась. В хозмаге маме приглянулся чугунок, низкий, пузатенький. Давно такой хотела. Пару металлических тарелок тоже надо. В «Тканях» два куска себе отмерила. Один бордовый на юбку, другой на кофту в горошек. Потом не знаю сколько стоим в очереди за хлебом на дороге. Две буханки чёрного взяли, его на вес продают, и два белых батона.

– На мальчишку дайте, свесьте мальчишке, – волновалась мама перед продавщицей.

Кажется, всё. Что успели, сделали. Теперь на поезд. Теперь домой.

– Обратный наш путь на поезде должен быть короче, потому что решили выйти раньше. Пешком дорога удлинится, зато с «двадцатки» не добираться ночью по оврагам да буграм. Мама то и дело вглядывается в окно, не проехать бы нужную станцию. Не проехали. Станция эта не лучше «двадцатки». В том отличие, стоит тут лёгкий дощатый навес, можно от непогоды спрятаться. Ждём немного, пока не тронется наш поезд. Паровоз свистит на прощанье и вскоре скрывается за лесом.

Идём по посёлку. Дорога до блеска накатана санями. Мне хорошо, я с пустыми руками. Затеваю с мамой разговор, но она отвечает односложно, нехотя. А у меня вопрос за вопросом: «Как посёлок называется? Сколько в нём домов? Работает ли церковь, купол которой виднеется из-за дальней рощицы?».

Заканчивается посёлок, и мы долго бредём полем. Тут дорога похуже. Снег глубже и ни души кругом. Лишь быются на ветру сухие будылки полыни, да изредка низко над землёй устало пролетит одинокая птица. Устала и мама. Замедлила шаг, смотрит отрешённо. Расхотелось разговаривать и мне. А когда позади осталась широкая лощина, поднялись на взгорок, мама вовсе остановилась, перекинула поклажу с плеча на плечо. Помочь бы ей. «Вот пройдем ещё немного и я обязательно помогу, возьму её ношу».

Пересекаем ещё деревеньку в десяток дворов. Это Тюленёвка. Тут живёт моя соклассница и мне не хочется, чтоб она сейчас со мной встретилась. Потому иду, не поднимая головы. Да и уставать я начал. От Тюленёвки до школы километра два, а там, за лесопосадками, завиднеется наше село. Идём молча, не до разговоров. Оглядываюсь изредка на маму. Как она? Сменить бы её пора, да не насмелюсь никак. Если б попросила, другое дело. Да я сам возьму её мешок. Вот дойдём до посадок и возьму.

Кленовые посадки мне ровесники. Весной они особенно красивы. Когда идём из школы, обязательно останавливаемся тут, привал делаем. Иногда с костром. Жалко, сейчас тут нельзя отдохнуть.

Дорога какое-то время тянется вдоль посадок, затем резко отваливает в сторону. И вот уже завиднелись крыши наших домов.

Пройду сто шагов и возьму у мамы мешок. Вот посмотрим. Считаю шаги. Один, два..., пять..., десять..., сто. Сто, сто... Пора брать.

«Но нас же двое! – хватаюсь я за спасительную догадку. – Значит, два раза по сто. Молодец я!».

И снова немного опережаю маму. Она ещё раз меняет плечо и, кажется, чуть дольше, чем прежде, задерживает на мне взгляд.

«Всё. Доходим вон до той глыбы, поле вспахано осенью, снег ещё не упрятал землю, и возьму».

Ускоряю шаги, чтоб быстрее дойти до метки и помочь маме. Но какую глыбу я наметил? Они похожи одна на другую. Вот эту? Нет, кажется, вон ту, что подальше.

Кончилось колхозное поле, в него упираются наши огороды. Я радостно ступаю на свой, на картофельную борозду.

– Мама, давайте я помогу вам нести!

Думал, обрадуется мама. Лучше бы я дошёл до дома молча.

– Спасибо, сынок, – благодарит мама и медленно проходит мимо меня.

И сейчас видится мне её усталая фигура с мешком на спине, бредущая по снегу к нашей избе.

Прости меня, мама.

А ВЛАСТЬ СОВЕТСКАЯ БЫЛА...

В день Победы колхозникам продавали двухнедельных поросят. После войны правление впервые решилось на такое.

– Не всё государству. И нам надо, – вполголоса говорила маме тётка Наташа, одобряя это дело правления колхоза.

Мы с Санькой, моим дружком, вертимся возле свинарника, внутрь заглядываем. Ждём, что будет и как.

Вначале стали брать мужики, что пошустрее да поближе к начальству. Кладовщик Митроха Сычѳв, сборщик молока Кирюшка Столбов, Стѳпка-водовоз. Тот тоже вроде правленца. Дело не дело – крутится на колхозном дворе. Заглядывал в дверь и скотник дед Захар, человек мягкий и безвредный, ещё в первую мировую воевавший то ли с турками, то ли с другими чѳрными.

Надумала взять и Санькина мать, тѳтка Наташа, звеньевая свекловичниц. «Конечно, сто рублей – деньги, но разве плохо откормить к зиме кабанчика. Допустим, к Рождеству заколоть. И себе мясца будет, а коль в еде удачным окажется, кое-что и продать останется. Деньги вот как нужны. Ребятишки школьники обызносились все. Опять же кое-какую обнову для праздника справить. На себя, считай, года три копейки не потратила».

Деньжонок на поросѳнка тѳтка Наташа немного скопила. Сметанки на базар в райцентр два носила, пол-литровую банку маслица учительнице продала, да десятка, другая собралась от сдачи государству сельхозналога.

Расплачивались наличными прямо в свинарнике. Хромой счетовод дядя Петя Машкин вѳл список и тут же принимал деньги. В поросѳчий загон тѳтка Наташа вошла вместе с подругой Нюрой – розой, тоже вдовой, занужѳнной работой женщиной.

– Господи, благослави, – прошептала тѳтка Наташа и, изловчившись, цапнула за ногу чуть приотставшую хрюшку.

Ничего с виду поросѳночек. Толстенький, уши лопушком и ножки короткие. Одно не так, поросѳнок свинкой оказался. Заменять не разрешалось: кому что достанется.

– Мы ня можем удовлетворить все хряками, – хмыкнул Машкин.

Нельзя так нельзя. Утишая визг поросѳнка, тѳтка Наташа, довольная, отправилась домой. Прикидывала, как и чем будет кормить его. А подрастѳт к осени, придѳтся в катушке закуток ему отгородить.

Утром заметила неладное. Поросѳнок отказался есть. Спинка дугой, колючим волосом ошетирилась, кожа на брюшке гармошкой.

– Отнеси, Митя, тѳтке Наташе молочка. У неё поросѳнок, – попросила мама.

Тѳтка Наташа была дома. Потемневшая лицом, она стояла посреди избы, притулившись плечом к столбу, подпиравшему среднюю матицу, и смотрела куда-то мимо меня.

– Нет, Митя, нашего поросѳнка, – чуть не плача, выдохнула наша соседка. – На двор не ходи. Запор у него.

Такой убитой Санькину мать я ещё не видел. Надо же. Ни у кого не сдох, а у неё вот он. Не везёт ей. Не одно, так другое. В прошлом году надумала она гусей завести. Не раз я их пас вместе с Санькой. Одного гусёнка коршун на наших глазах уволок, другого собака придушила. С десятка всё же до зимы дотянуло. Тётка Наташа уже подумывала разделаться с ними, наволочки приготовила для пуха и перьев. А они возьми в один день да неизвестно куда улети. За углом избы во главе с гусакom сидели. В полдник кагакнул гусак, разбежался против ветра и взмахнул крыльями. За ним остальные. Ни одного не нашла. И уж этой весной Стёпки-водоюза корова поддела рогом её Зорьку, вымя разнесло с лоханку. Второй месяц Зорька пасётся возле дома, нагоняя тоску. Теперь вот поросёнок...

В деревне уважают тётку Наташу.

– Это как в роду поведётся, – уверяет мама. – Отец с матерью путёвые, и дети хорошие.

По её рассказам, родители тётки Наташи были добрые да работающие. В них дочь, ухватистая да додельная. Что еду приготовить, что хозяйство соблюсти. И собою видная. В девках плясунья была да игрунья. Стёпка-водоюз смолоду прилабунивался к ней. Отшила его. Потом война. Когда мужа провожала, Санькой х о д и л а. Тот отца так и не увидел.

– Колхозные мужики, молодые и что в годах, стесняются её. Стёпка-водоюз во время перекура о чём только не ведёт разговор с анекдотами да матом. Но лишь окажется поблизости тётка Наташа, заканчиваются байки:

– Тихо, мужики. Наталья.

И рассказчик лезет без охоты в карман за куревом.

А вот Стёпкина Фроська недолюбливает тётку Наташу. То в разговоре с бабами не ко времени упомянет Наталью, то пустит по деревне какую-нибудь сплетню о ней. Будто Наталья в пруду подолом рыбу ловила да чуть не утонула. И многое такое.

И у нас, пацанов, тётка Наташа на особом счету. Если, например, затевался набег в иной сад или огород, то по общему молчаливому согласию поместье тётки Наташи исключалось из этих планов.

Я запросто хожу к ней в дом. С Санькой я дружу. Со мной тётка Наташа разговаривает как со взрослым. Вот и сейчас, видя моё огорчённое лицо, успокаивает:

– Что поделаешь, Митя. Раз на раз не приходится.

Не кстати вспоминается похабная прибаутка Стёпки-водоюза «Раз не повезёт, от родной сестры заболеешь», и я смущённо выхожу на улицу. Следом за мной плетётся Санька. Играть Саньке ни в «пристенку», ни в «ножичка» не хочется. Даже о предстоящих каникулах разговор не заводим. Мы приваливаемся к прогретой солнцем саманной стене, долго молчим, думая, наверное, об одном и том же.

Несправедливо в жизни. И обидно за хороших людей, таких, как Санькина мать. Худого слова никому не сказала, а поди ж ты. Все шишки на неё.

Начались каникулы. За день успеваем с Санькой и на рыбалку с плетушком сбегать, и закупаться вдосталь. Не забываем и свои ежедневные обязанности: воды наносить, столько-то грядок на огороде прополоть, вечером скотину встретить. Санька встречает лишь овцу с яркой. Корову в стадо тётка Наташа ещё не пускает.

Но каникулы лишь вначале кажутся бесконечными. Неделя прошла, другая. И вот уж наши матери прополости колхозную свёклу. Подошёл яблочный Спас, а тут и Ильин день, после которого вроде купаться нельзя.

– Громушко прогремел, воду остудил, – предупреждает тётка Наташа.

Мы с Санькой и не рвёмся к воде. Школьные заботы подступили. Тетрадками, книжками запасаемся. Да и не станет Санька огорчать свою мать непослушанием. За лето она отошла немного, приутихли её боль и обида. Дела колхозные, домашние не оставляют время для грусти да переживаний. Как-никак звеньевая. Невелика должность, а забот прибавляет.

Только что поделили между подругами свёклу на участки. Весной пололи всё подряд, сообща, а копать будет каждая свою делянку. Пришлось канаться. Чтоб безобидно каждой. Всё равно Фроська пустила слух:

– Наташка себе получше выбрала. На Купчем бугре. Гляди, огребёт сахару.

Спорить, доказывать тётка Наташа не умеет. А Фроське сказала: «Язык без костей. Мели, сколько хочешь».

К копке свёклы готовится вся деревня. Отыскиваются забытые с прошлой осени двух-рожковые копачи. Оттачивают наши матери ножи для очистки. Подбирают чистые тряпочки да сумочки, чтоб заворачивать в них и носить в поле еду. Пустеет на это время деревня. Все на свёкле, дома лишь старики да дети малые.

Кинув в угол сумку с учебниками и наскоро поев молока с хлебом, спешу к Саньке. Он уже поджидает меня. Вместе идём на свекловичное воле.

– Помощнички пришли, – радуется тётка Наташа.

Её участок рядом с маминим.

Свёкла на Купчем бугре и впрямь хороша. Глыбастая да белобокая. Сочные тёмно-зелёные листья приятно холодят натёртые копачом ладони. Выдернутые из земли сладкие корни стаскиваю в кучу. Один вихор в руку, другой в другую (больше не ухватишь!). Тукаю «лбами», чтоб обить комья и облегчить маме очистку. Сухие крошки шуршат по разлапистым листьям, распугивая жирных длинноногих кузнечиков.

Не отстаёт и Санька. Он цепкий. Снуёт туда-сюда, от грядки к кучке, от кучки к грядке. Носит свёклу охапкой. Пока он натаскивает, тётка Наташа, распластав на ботве старую фуфайку, присаживается полудновать. Достает из мешочка ломоть хлеба.

– С сахаром? – интересуется мама.

– Добре ты, с сахаром. Так, – виновато отвечает тётка Наташа, с трудом глотая сухой кусок.

Сахар-песок за свёклу женщинам выдадут нескоро, в конце зимы, а хотя бы воды с собой тётка Наташа могла прихватить. Жалко смотреть, как она ест, давясь.

Вода на поле прибывает в пузатой деревянной бочке. Стёпка остановился напротив, и тётка Наташа, не спеша, пошла к двуколке.

Заканчивалось бабье лето, тихое, с паутинками. Ни один дождик не поторопил женщин с поля. Работают они споро, стараются управиться до осенней слякоти. С каждым часом убывают свекольные полосы. Тётка Наташа, увидев поросший лебедой край своего участка, не выдержала, прошла в конец, попутно пересчитав оставшиеся грядки. Работы было на неделю.

– Закончим свёклу, погуляем, бабы – подзадорил в последний приезд с бочкой Стёпка-водовоз.

– Чего не погулять, если гармонист не откажется! – откликнулась Наталья.

Гармонист – Стёпка. Был он от колхоза на торфе, привёз себе хромку. Стёпка мужик задачной, а уж как там побывал, и вовсе цены себе не сложит. В разговоре к месту, не к месту вспоминает каждый раз своё пребывание под Шатурой:

– У нас там как было...

Не любит Наталья трепачей, а тут улыбнулась. Вспомнилось давнее, как летней ночью Стёпка провожал её до дома. Стояли возле калитки. От волнения у Стёпки колени дрожали, как у загнанной лошади. А сам одно заладил; «Ну, теперь всё. Всё теперь».

Было ей непонятно и смешно.

А сейчас разговор о гулянке затеяли не случайно. В прошлом году впервые после войны гуляли. Поплясали и поплакали. Надо и в этом собраться.

До Октябрьского праздника осталось всего ничего. У нас с Санькой отличное настроение. Впереди маячит небольшой отдых, матери наши заканчивают копку свёклы. Только вот в субботу учительница по русскому огорчила нас. За наспех и с ошибками выполненную домашнюю работу оставила Саньку «без обеда». К маме иду один. Несу ей поесть.

– А где ж мой? – забеспокоилась тётка Наташа, увидев меня одного.

– Сейчас придёт. Отстал немного, – вру я Санькиной матери и нагибаюсь за свёклой, чтоб не смотреть в её глаза.

Санька прибежал, когда стало смеркаться, запыхавшийся, испуганный:

– Телок на огороде свёклой подавился!

– Ну что ты будешь делать, – беспомощно всплёскивает руками тётка Наташа.

Телят, коров по осени гони со свёклы. Не грызут они её, а заламывают корень целиком, норовят проглотить.

Как ни билась тётка Наташа с телком, пытаясь свёклу вытащить рукой, заливала ему в горло масло, ничто не помогло. Уж затемно привела жившего через три двора деда Захара. Пришлось ему укоротить жизнь бычка.

Тётка Наташа поехала с мясом на базар. Последние машины со свёклой грузились уже без неё.

Гулять женщины попросились к деду Захару. Изба у него просторная, в три окна. И, главное, сам хозяин приветливый и рассудительный. Когда у тётки Наташи случилось такое, успокоил её:

– Дюже не горюй. Сама, дети живы, здоровы. А телка не сегодня так завтра продавать.

И то правда. На базар съездила удачно. Обнову себе купила. На тётке Наташе миткалевая с рюшками на рукавах кофта, тёмно-бордовая юбка. На отвороте кофты брошка из трёх жуковых вишенок. Очень они личат её тёмному волосу. Какая-то не обычная тётка Наташа.

Сегодня она прибралась пораньше, скотину управила и зашла за мамой.

– Не токо работать, и погулять надо!

– Правду говоришь, Наташ.

– Хоть от сапухи отмыться.

Прибывающие к деду Захару женщины прихорашиваются за занавеской у печки, молодеют на глазах.

– Это ты, Наташ? Не признала тебя, – окликает Нюра-роза.

– Богачкой стану! – отшучивается её подруга.

– Всё, бабы. Садимтеся.

– Пора уж. Гармонист заждался, – громко объявляет Фроська, окидывая недовольным взглядом товарок.

Сама она устраивается рядом с мужем.

Я, Санька, наши друзья, одноклассники, тоже веселимся. Как угорелые, носимся друг за другом вокруг избы, в окна заглядываем, где вот-вот начнётся гульба.

«Ухаживать» – разносить вино – женщины попросили деда Захара и Столбова Кирюшку, примака моей тётки. У него голос ладный. И сам выпить не дурак. Кирюшка, уже «тёплый», присел на краешек стула, ждёт, когда дед Захар на правах старшего поздравит женщин с праздником, с окончанием полевых работ и предложит по первой.

Чего-то замешкался хозяин дома, и Кирюшка, уже пропустивший у судной лавки стаканчик, тряхнув крутолобой головой, потянул густым голосом:

Шумел колхоз,
Крестьяне гнулись,
А власть советская была...

– Ты, Кирюшк, это не надо. Об чём-нибудь другом давай, – заволновался дед Захар. – Выпьем, бабы.

Загомонили притихшие было гости, прицеливаясь стаканами к губам. Непривычно как-то. Однако мимо рта никто не пронёс. Кто глоток, кто два. Фроська хлобыснула до дна:

– Провались она в живот!

Приняла, сколько душа пожелала, и тётка Наташа. Тепло приятно растеклось по телу. Сделалось ей легко и уютно. И сидевшие за столом товарки, мужики виделись все такими хорошими и родными. Подмывало сплясать.

– Не спеши, Наталья. Закуси. Все ешьте, – просит дед Захар, стараясь исправить свою заминку, что допустил вначале торжества.

Мама всегда в тени, а тут вдруг тихим, ровным голосом заводит:

На позицию девушка
Провожала бойца...

К ней присоединяются другие женщины. Поют о бойце, но думает каждая о себе, о мужьях, отцах наших, не вернувшихся с войны. Жалостливая песня. Нюра – роза, шмыгнув носом, прикрывает глаза ладонью. У неё четверо на руках и у самой здоровье не ахти. Лишь Кирюшка Столбов стоит непоколебимо прямо за спинами женщин, старательно выстраивает их голоса на нужную высоту.

– Мить, глянь, – толкает меня в бок Санька.

Высоко в голубом небе над нашей деревней тяжело плывёт журавлиный клин. Провожаем его глазами, пока не истаяли в вышине журавлиные точки. Замечательный день выбрали наши матери посидеть вместе за праздничным столом, передохнуть от тяжкого ежедневного колхозного ярма.

Тем временем дед Захар подбил женщин поднять ещё по рюмке, и Стёпка, правильно оценив момент, развернул меха гармони:

И-и эх... твою мать,
На кобыле воевать.
А кобыла хвост поднимет,
Всю Германию видать!

– Ох-хо-хо! Поддал, сукин кот! – затрясся мелким смехом дед Захар. Первой из-за стола выплывает Фроська. За ней с какой-то опаской тётка Наташа. Не усидели Нюра – роза с Кирюшкиной женой, другие женщины. Хмель им крепко ударил в головы.

Ой, подруга, дробь бей,
Над тобою воробей.
Надо мною серый гусь —
Я измены не боюсь!

Тётка Наташа выплясывает в паре с Фроськой:
Выходи, подруга, замуж,
А потом уж выйду я.
Всё равно любви нету
У тебя и у меня!

Под шумок тётка Наташа втягивает в круг деда Захара.

И он припас припевку:

Не ходите, девки, замуж,
Не ходите, милочки.
Не делите свою жизнь
На две половиночки!

Гомон, топот и залиvistые переборы гармошки. Кто усидит на месте? Чьё сердце не дрогнет радостно?

– Дядя Захар, я пьяная! – непослушным языком будто жалуется тётка Наташа. – Делай со мной что хочешь!

– Ну, мама, – настораживается под окном Санька.

И недаром. Вспаренная пляской, охмелевшая вконец от вина, тётка Наташа сбрасывает с себя кофточку, оголяя белые округлые плечи и... виснет на шее деда Захара:

– Дядя Захар! Полюби меня!

От такого оборота Стёпка остолбенел на мгновение. Его гармонь рыпнула и стихла, а в избе вдруг поднялся такой шум и гвалт, что мы с Санькой, как ошпаренные, опрометью бросаемся прочь от окна. Еле догоняю его на выгоне.

– Мама, мама. Как она могла такое? Зачем она это? – шепчет ошарашенный Санька.

Что я мог ему ответить?

– Если она т а к а я, не пойду домой. Ни за что. Пусть, что хочет, то и делает! – сквозь горькие слёзы и жуткую обиду выкрикивает Санька

Бесцельно бродим с ним по деревне, вокруг мельницы. Незаметно стемнело. Гульба вскоре закончилась, женщины стали расходиться по домам, удивлённые, растерянные, иные возмущённые. Всякие, только разговор у них об одном. О Санькиной матери:

– Надо ж... Наташка...

– По такой жизни не на то ещё пойдёшь.

– Всё на Стёпу пялилась, сучка. На меня не нарвалась. Я б ей...

Узнаём голос Фроськи, крепкий, чёткий.

...А тётка Наташа, похоже, заболела. На люди не показывается, со мной, когда прихожу к ним, почти не разговаривает. Санька дичится её. Только Ленка еле заметно ухмыляется: «Ладно, мам, чего уж...».

В один из таких дней её навестила Фроська:

– Тётка Наташ, ты за гармонь деньги платила?

– Нет.

Совсем забыла, что Стёпке за игру на празднике надо внести вкладчину. Достала из сундука десятку. И лишь Фроська вышла, улыбнулась: «Нашлась племянница».

Фроська всего на год её моложе.

На другой день с утра пораньше явился овечий пастух:

– Надо, тётка, за овец рассчитаться, – напомнил пастух, напуская на себя серьёзный вид.

Его сезон закончился, и теперь он по дворам собирает плату: полведра ржи и трояк с головы. Деньги подала безо всякого, а вот рожь... Думается, рожь пастух взял ещё до праздника. Вот так же пришёл с безменом, сидел на сундуке, пока она насыпала. Точно помнит, зерном рассчиталась. Правда, росписи никакой не взяла. Ведь в деревне верят друг другу на слово.

Но пастух уже, широко растопырив руки, держал мешок наготове.

На улице моросил мелкий дождь. Скотину в стадо уже не гоняют. Тётка Наташа отворила дверь катушка. Зорька, овечка с яркой разом уставились на свою кормилицу грустными гла-

зами. Тётка Наташа вернулась в избу, надела фуфайку. Через плечо на верёвке кинула кошёлку. Пошла на свекольное поле собирать ботву.

КУПИТЬ БАЛАЛАЙКУ

– Если сдашь выпускной экзамен, балалайку тебе купим, – сказала сестра и посмотрела на маму, видимо, желая получить от неё поддержку и одобрение.

Мама сидит за машинкой, шьёт соседке тётке Наташе к празднику обновку, юбку. Мама ничего не ответила, лишь ниже склонилась над клочком мануфактуры, выпрямляя складку попрямее. Думаю, не станет она возражать сестре. Та уже вторую зиму работает в колхозе, считается взрослой, и для мамы она помощница и советчица. Да такое поощрение за учёбу ещё и не всяк придумает.

А балалайка – моя мечта. Играть я немного умею. У нашего деревенского пастуха, Толюшка, научился. Толюшок парень пришлый, дальний родственник школьной уборщицы Параньки Голиковой. У неё и хранит днём балалайку. А вечерами, как стемнеет, собирает Толюшок вокруг себя на мельнице «улицу», потому и в почёте у наших девчонок.

Кормится пастух по дворам. Подошла очередь и нашему дому принимать его на постой. Ночевать он пришёл прямо с «улицы» и с балалайкой. Мама постелила нам с ним на воздухе, возле погребницы. И пока было видно, Толюшок вяло перебирал пальцами струны, показывая мне, где и как прижать, чтоб получилась «матаня» иль «страдание».

– Учись. Будешь девок завлекать, – хохотнул мой учитель, поворачиваясь на другой бок, чтоб заснуть.

Завтракал он долго и нехотя, То ли не выспался, то ли думал, куда деть свой «струмент», чтоб никто его не трогал.

Балалайку он положил на кровать, привалив к подушке. И как только на выгоне хлётко щёлкнул пастуший кнут, я тут же взял её в руки. Бренчал весь день, пока наш однодневный постоялец находился со стадом в поле.

– А у тебя получается! – радостно заметила сестра, – когда я, отмяв пальцы до красноты, нащупал, наконец, нужные для «страдания» лады.

Трень – трень, трень – трень, трень...

Такой простенький мотив, а приятный, настраивает на разные припевки, напоминает голоса наших деревенских девчонок, например, Ленки тётки Наташиной.

Я гуляла, мать не знала,
Как узнала, ругать стала...

На Троицу пастух отправился в своё село навестить родных, за себя оставил Ванятку, Параньки Голиковой малого. Ванятка «переросток» (так его называет наш завуч Любовь Семёновна) школу бросил, хочет пойти прицепщиком в трактористы. Тоже на балалайке наловчился играть, потому задавака, каких свет не видел. Когда Ванятка с балалайкой, каждая из девчонок старается присесть к нему поближе, Ваней называют:

– Вань, сыграй нашу! Разливную. А «саратову» сможешь?

Ванятка места под собой не чует, ломается:

– Рука уморилась.

Будь у меня балалайка, не стал бы я воображать да жадничать. Играл бы, сколько надо, Особенно, если в кругу Ленка. Мы с ней за одной партой сидим. У неё чернильница из белого кафеля. Макать в неё Ленка разрешает лишь мне.

День выдался как по заказу, ясный, тихий. Веяло свежестью и теплом. В какой дом ни войди, на полу охапки зелёной травы, на каждом гвоздике в стене, за иконой, портретными рамками ветки клёна, сирени, черёмухи. Пьяно от запахов лета!

Днём на Троицу не работают, грех, а вечером на мельнице гуртуется «улица». Вначале тут мелюзга деревенская появляется. В прятки играют да, озоруя, виснут на мельничных крыльях. Мельник дед Никита застигнет, накидает подзатыльников.

Овец Ванятка пригнал пораньше, а чуть смерклось, и сам показался с балалайкой. Ещё издали слышались его переборы, будто заранее давал о себе знать. Как овцы в закуте, забеспокоились девчонки в ожидании плясок да припевок, всем видом показывая своё нетерпение.

Девки, в кучу.

Хрен нашёл.

Вы делите,

Я пошёл! —

с ходу выдал Ванятка.

– Ой, Вань, не уходи! – дурашливо подхватила Ленка. – Поиграй. Мы тебя ждали.

– Понятно. А с тобой поиграть можно? – с каким-то плохим намёком спросил Ванятка.

– Ладно уж, Вань.

– Мы и сами поиграем. Правда, девчонки? Обидчиво заявила Ленкина подружка, толстушка Нинка. – Становитесь в «ручейки».

Разбились по парам, и побежали «ручейки». Я оказываюсь с Ленкой. Ленка вся такая кругленькая, в белых носочках, глаза светятся. Только пальцы у неё холодные-холодные. Согреть бы. Я сильно сжимаю их в своей ладони. От радости и волнения еле сдерживаю дыхание. Не утерпел Ванятка. Цыкнул окурком под ноги, балалайку в сторону, и вот он впереди играющих:

– Держитесь, девки!

– Держимся, Вань.

Не одну тиснул вроде невзначай, продвигаясь вперёд. Как можно выше тяну Ленкину руку, чтоб прошёл Ванятка беспрепятственно, не зацепился. Да где там. Он будто запнулся напротив и выбрал Ленку.

«Ну и ладно. Ну и пусть».

Быстро пробегаю тот же путь, и Ленка снова оказывается рядом со мной. Не отступает в очередной раз и Ванятка. Не нравится мне такая игра, да и ребята с девчонками начинают хихикать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.